

ПЕРСОНА

— Вы никогда не испытывали некую дискриминацию из-за того, что вы цыганка? В России ведь к цыганам относятся не самым лучшим образом.

— И это ужасно. Мне очень больно видеть моих соплеменников на улице. Пора нам что-то делать. Пора нам всем сообща подумать, как таким цыганам помочь, чтобы они жили наконец в XXI веке, а не в XVIII.

— Когда вы идете по улице, они вас узнают?

— Узнают, конечно. Шепчутся: "Наша цыганка Карма идет". Меня знают все цыгане и очень тепло относятся. Они во мне видят свою — я же во всех фильмах играю таборную цыганку: везде с котомками, всегда такая несчастная... Я Никоненко однажды на съемках "Цыганского счастья" даже пожаловалась: "Да что же меня все время такую несчастную делают, в лохмотья одевают!.."

— Вы что же, никогда не кочевали?

— Никогда. Моя семья из оседлых цыган, все были актерами, дедушка вообще был придворный скрипач. Моя мама рассказывала, что весь наш род был не кочевыми цыганами.

— А правду говорят, что у оседлых цыган все равно есть зов — кочевать?

— Никуда от этого не денешься, мы обожаем природу. Такие периоды, когда "тянет", мы называем "в кочеве". Если скажут в этот момент уйти в табор — можно все бросить и уйти. Но мы в таборе с мужем Георгием никогда не были. Хотя нет, он был один раз — пришел туда мальчиком в пионерском галстуке. А я, к сожалению, таборную жизнь не испытала. Хотя иногда хочется бросить все и уйти, понять, что это за красота.

— Говорят, что кочующие цыгане оседлых осуждают. Мол, не настоящие вы цыгане...

— Всякое бывает, цыгане же разные. Не только внутри одной страны, но и вообще во всем мире они разные. Вот я снималась в одном словацком фильме, и была у нас с партнером — известным словацким актером — одна трудная сцена возле костра, где он должен был меня избивать. Он кричит: "Катя! Я не могу вас бить!" Я ему: "Да бей же! Это же кино!" А на нас смотрит местное цыганское поселение. У них свои, отличные от русских цыган традиции, они даже начали аплодировать от радости, когда партнер меня стал убивать.

А в России другие цыгане, русские. И по большому счету, любят цыган в России, да и женщин больше уважают. Да и искусство наше больше русское: в Испании цыгане — это фламенко и чуждые русскому уху цыганские хоры, а в России цыгане — это русская песня, и поем мы по-русски. Хотя все равно по-своему, по-цыгански, через сердце, нервы, навзрыд. Ну не умеем мы петь по нотам. Мы же люди природы, импровизации, искренности и простоты.

— Как же вы, не кочевая цыганка, знаете и играете жизнь таборной цыганки?

— Вика, я же интеллигентная девушка, я все-таки ГИТИС закончила, я же профессиональная актриса. У самого Юрия Петровича Любимова училась. Хотите таборную цыганку сыграть, хотите — Шекспира.

— Вы коренная москвичка?

— Я родилась в Туле. Мои мамочка и папочка были актеры, родили они меня очень поздно: моей маме было 40 лет, а папе — 52. И мне тогда казалось, что они уже были старенькие. Это сейчас я думаю: какие же они были старые? У нас была настоящая музыкальная семья, так что я с детства слышала пение. И сама всегда пела. У меня было потрясающее детство. Веселое, яркое. Жили мы не так уж шикарно, и я всегда мечтала о красивом платье. Помню, даже сон приснился: Сталин мне такое платье подарил. Я этот сон вспомнила почти полвека спустя, когда Ельцин меня поздравлял в Кремле с получением звания народной артистки России за три дня до своего ухода. Среди обимей людей — Владимир Спиваков, Генрих Боровик, Игорь Иванов — только две женщины и были: Татьяна Парамонова и я.

Но знаете, я ведь мечтала быть не театральной актрисой, а эстрадной звездой. В 9-м классе я приехала к родственникам в Москву на каникулы и пошла в театр "Ромэн". Он произвел на меня колоссальное впечатление. Так что после школы, уже поступив в музыкальное училище на вокальное отделение, я опять пришла в "Ромэн", и меня увидели, собрали худсовет, устроили просмотр. Я читала Паустовского, пела "Московских окон негасимый свет". И мне сказали: "Мы вас берем в театр". Что делать? Бросила я училище, перешла в театральную студию при театре. Все педагоги, конечно, были в ужасе: "Зачем ты уходишь, Катя?! У тебя другое будущее, ты же хотела идти в консерваторию!" Но кровь взяла свое.

— У вас в семье сохранены цыганские традиции?

— Многие, очень многие: почитать старшего, не говорить худых слов. Потом, праздники наши — русские: Пасха, Рождество, мы верующие. В эти праздники у нас — изобилие невероятное, на последние деньги все может покупаться: глы-

Пришла днем, ушла ночью — еле отпустили. Хорошо у них: кормили-поили, как на заклание, несколько часов кряду.

"Рано уходишь", — с сожалением сказали на прощание.

Я, признаюсь честно, у цыган в гостях была первый раз. И у каких цыган! У Екатерины

Жемчужной. Цыганки прославленного

рода, которую мы теперь как

минимум два раза в год видим

по ТВ на разных каналах

в роли Кармы

из "Карнавала".

СЧАСТЛИВАЯ

КИРИЛЛ ИСКОЛЬСКИЙ

бы, горы еды, и гостей всегда море. Мы, по традиции, не у себя отмечаем, а всегда к старшему в семье идем.

— Екатерина Андреевна, вы умеете гадать?

— Умею, хотя меня никто не учил. Просто передаются такие вещи в семье. Моя мама гадала на картах превосходно, хотя я к этому несерьезно относилась. Но когда мамы не стало, взяла карты и точно так же начала их раскладывать. Я редко гадаю. Но метко.

Мне гадать не нужно: я людей навскозь вижу. Я вообще многое вижу. Но плохого никогда не говорю. Только всегда думаю: "Людам нужно говорить хорошее". Я Эмилия Лотьяну за две недели до его смерти увидела. Смотрю на него, а сама плохую мысль гоню: "Просто он устал после съемок". Кидаясь к нему: "Эмиль, вы гений! Спасибо вам за "Табор уходит в небо!"! А он засмеялся, помню. Говорит: "Скажешь это, когда я умру". И потом мне позвонили от Гали Беляевой — сообщили о смерти. Я на панихиде сказала: "Дорогой Эмиль! Жизнь — это миг, и все добрые слова нужно говорить при жизни. Я счастлива, я успела сказать тебе, что ты настоящий гений".

— Страшные вы вещи говорите...

— Не страшные, а правильные.

— Скажите, а когда вы со своим мужем познакомились, вы тоже что-то почувствовали?

— А как же? Мы с Гогой с 16 лет знакомы, со студии еще. Я туда пришла, и на меня все оценивающие смотрели: девушки — с ревностью, молодые люди — с интересом: пришла, мол, красавица. Я тогда у одной сокурсницы спрашиваю: "А что все про Жемчужного говорят? Где же он, легендарный Георгий?" А она отвечает: "Не связывайся ты с ним. Такой, знаешь, весь из себя!" А когда он вдруг появился — я почувствовала, просто мысль пронеслась шальная: "Судьба! Судьба!" И вот до сих пор душа в душу живем. Мы

Екатерина ЖЕМЧУЖНАЯ:
"Я гадаю редко, но метко"

с ним всегда вместе: и дома, и в театре, и в поездках. Конечно, тяжело иногда бывает. Но разлука еще тяжелее. Не можем мы долго друг без друга. Две недели уже кажутся вечностью. Он мне больше чем родной, он — самый дорогой мне человек. Я помню, на гастролях мне однажды операцию делали. Так Георгий Николаевич в гостиничных условиях готовил для меня котлеты. У цыган подобное считается верхом неприличия. У цыган ведь надо, чтобы жена вокруг мужа бегала. А сам чтобы на нее внимания не обращал, чтобы только "лошадь, собака и нож". У нас даже говорят: "Муж трубку курит, а жена людей дурит".

— Когда вы поженились, наверное, как и большинство актеров, жили бедно, но весело?

— Жили сумасшедшие интересно. Мотались, встречались, снимались, принимали гостей, устраивали банкеты... Не скажу, что мы бедствовали: нам родители помогали, они были обеспеченные люди. Но эти деньги улетали моментально. И тогда мы закладывали в ломбард все ценности. Один раз у нас все исчезло, целое состояние: кольца, мамыны бриллиантовые серьги по полтора карата, золото, портсигар, часы Гогиного отца с браслетом старинные, мы их потом по всей Москве искали. Как получились? Да так получилось: денег один раз не хватило, пошли, все в ломбард заложили, а квитанции забыли. И когда вернулись выкупать — ничего обратно не получили. Ладно, пережили. Молодые были, к золоту легко относились.

— На что же у вас уходили деньги, что вы пользовались ломбардом?

— Гуляли хорошо. Гога в ресторане ВТО все помещение шампанским выкладывал, его там

на весь вечер в Доме кино смотрели, наблюдали — ну знаете, как режиссеры наблюдают. Потом мне с "Мосфильма" позвонили и без проб утвердили. А через два дня я полетела на "кукурузнике" в Башкирию. Помню, все самое лучшее на себя надела: белый брючный костюм, босоножки белоснежные — ну звезда же голливудская летит! Прилетаем, а там — грязь по колено, все в сапогах и фуфайках ходят. В первый съемочный день мне нужно было по роли с мужем моим, Петром Кружилиным, обниматься. А мне 21 год, я недавно замуж вышла, кричу: "Я не могу, я замужем, я же цыганка!" А Вельяминов мне: "Давай-давай, муж еще больше любить будет!"

— Вас всегда на роль цыганок зовут?

— Ох, ну естественно.

— А не хотелось ничего другого сыграть?

— Хотелось, и еще как. Не такое уж у меня специфическое цыганское лицо — могла бы и другое что-нибудь попробовать. Есть у меня мечта свою "Кармен" снять. Я недавно испанскую "Кармен" посмотрела — стыд и позор, хочу вот в посольство позвонить, сказать им, что настоящая цыганка даже для фильма никогда не разденется, да еще в церкви. Ведь какую чернуху сняли! Половой акт на глазах у мужа Кармен! Ведь ни у Мериме такого безобразия не было, ни у Бизе.

— Екатерина Андреевна, а как вы стали цыганкой Кармой в "Карнавале"?

— Татьяна Лиознова, величайший режиссер, которого мы с Ирой Муравьевой боялись как огня, выбрала меня из огромного числа актрис, претендовавших на эту роль. И спасибо ей за это огромное. Великолепный фильм сделала эта потрясающая, невероятная женщина. А знаете, что она из фильма финал вырезала? По сценарию Ирина героиня, Нина, когда уезжает обратно к маме домой, встречает Карму — с подбитым глазом, с грудным ребенком на руках, промышленную на Курском вокзале. И Нина бросается к ней: "Как же так, Карма, ты мне денег дала!" И Карма говорит: "Когда-нибудь прилещешь". Мы прощаемся, слезы градом, а она меня спрашивает: "Это у тебя девочка? А мальчик твой где?" И я отвечаю: "Умер мой мальчик". Татьяна Михайловна говорит потом: "Катя, очень сильный финал, там твой образ настолько сильный, что Нина на второй план отходит". Так что пришлось вырезать. Но сама роль мне далась очень легко, мне там даже говорить почти ничего не пришлось — все по глазам и так понятно было. Единственным сложным моментом оказалась сцена, где пришлось много кричать. Я не курю, а моя героиня курит папиросы "Казбек". Но, несмотря на то, что я нервничала и много курила, я благодарна судьбе за эту роль. Знаете, мне Татьяна Михайловна потом пророческую фразу сказала: это, говорит, твоя роль, твоя Карма.

— После выхода фильма на вас сразу обрушилась слава?

— Обрушилась. Мы в 82-м году поехали в первую свою заграничную поездку на гастроли, и не куда-нибудь, а в Японию. Во Владивостоке сели на пароход, а мест не хватило — нас распилили по каким-то низким каютам. Меня укачивает, плохо мне, болтанка страшная... А за мной по пятам женщина ходит: то и се, говорит, давайте я вас в хорошую каюту с мужем заселю. Я говорю Гоге: "Что она от меня хочет? Это, наверное,

провокация?.. У нас же инструктаж был накануне поездки: не удивляться, ни с кем не разговаривать, не восторгаться. И у меня уже паранойя началась: ну, думаю, следят за мной. А потом я у этой женщины спрашиваю: в чем, мол, дело? И она говорит: "Да я как раз перед поездкой смотрела "Карнавал" с вашим участием".

— Могу себе представить ваш культурный шок, когда вы приплыли в Японию...

— Не то слово, Вика! Суточных у нас тогда почти не было, а купить много чего хотелось. Мы сэкономили на всем, что-то даже на продажу возли. Из поездок приезжали худые, как из Освенцима. Но счастливые. Ведь не болели, великолепно себя чувствовали. Суп из пачетки купим, на двоих разделим стаканчик — вот и вся еда. Мы в Японии два месяца выступали в концертном зале в одном коммерческом центре. Так нас, цыган, потом на всех этажах, во всех магазинах узнавали — мы же по эскалатору с утра до ночи катались.

В том же году мы в Индию поехали — сколько мы с собой ручной клади везли! Нам сказали, что у индусов очень хорошо "Советское шампанское" идет. Так мы ящиками его набрали. А потом оказалось, что они шампанское выливают, а сами, прохиндеи, из бутылок "изумруды" делают и туристам продают...

А сколько мы хрустала в Индию привезли! Из-за этого хрустала у меня Гога отличился: пошел как-то утром покупателей искать, нашел в захолустном магазинчике единственного посетителя-толстяка, продал ему фонарь за безумные деньги, да еще кое-как объяснил, что хрусталь есть — настоящий, советский. Договорились, что через час он его из гостиницы привезет. Как раз дождь сильный был, воды с нечистотами по колено, а Гога рикшу не берет — говорит: как же так, ведь живой человек, как же ему в глаза смотреть?! Добрался до отеля, а там — кагебешник: "Никому на улицу не выходить, стреляют!" Гога было расстроился, но через два часа толстяк за хрусталем сам приехал. Купил все, что у нас было, они еще с Гогой по 50 грамм выпили. А на следующий день у нас экскурсия по замкам: жара, духота... Еле доехали до замка, там нас охрана вооруженная встречает. Выходим из автобуса, первый — Сличенко, потом — Гога. И вдруг у ворот видим: толстяк наш стоит и улыбается, что-то на своем языке говорит. Сличенко Гогу спрашивает: "Что это?" А Гога: "Это мой брат!" Оказалось, богатейший человек в Индии. Из той поездки мы шубу мне привезли. На самовар выменяли.

У нас вообще с Индией много хорошего связано: мы же, цыгане, обожаем индийские фильмы. Вот на твоём месте сидел один раз Шаши Капур, звезда индийского кино, — знаешь такого? Он к нам однажды вечером с огромным букетом роз явился. Лялю, дочь нашу, красавицу, хотел к себе в фильм пригласить. И вот, представь, приехал ко мне, матери Ляли, знакомиться. А мы стол накрыли, поросенка зажарили. Это потом нам сказали, что индусы свинину не едят. Но он слова не сказал, промолчал. Только все руками кушал.

— Ваша дочь тоже замужем за цыганом?

— За цыганом. Он — актер нашего театра, Ляля была в него безумно влюблена. И однажды он ее выкрал. Два дня их не было, и мы не знали, где они находятся. Это была катастрофа, мы сидели ночь, переживали, звонили. Потом с нами родственники связались и сказали, что Лялю жених украл. Это они между собой сговорились и исчезли. Появились через два дня — и все: простите, благословите. Ну что делать? Свадьбу справили по всем цыганским обычаям. Теперь вот у нас двое внуков.

Это у Ляльки в крови: мы с Гогой тоже убежали. Точно так же. Сговорились, он меня выкрал, и родители наши тоже ничего не знали.

— Екатерина Андреевна, все в вашей жизни так легко, просто. Ужели ни о чем не жалеете?

— Жалею, конечно. Жалею только об одном: было бы у меня побольше детей. У меня же жизнь актрисы, всегда не до детей было, спасибо Богу, что Ляльку нам дал. И то же самое — у Ляли. Она родила сына, и мы сказали ей: хватит, тебе нужно своей карьерой заниматься, тем более что мальчик был на мне, я его воспитала. Так что мы о втором внуке и не думали. Но однажды Ляля играет спектакль, премьеру, утопает в цветах, все замечательно, а дома я замечаю: какая-то она вялая, спит много, джемпера огромные стала носить... Потом смотрю — а у нее уже живот огромный! Говорю: "Да ты что, Ля-ля!" Папа-режиссер, тоже ненормальный, кричит: "Ты нас подставляла! Я только что спектакль выпустил, а у тебя даже замены нет!" Мы же артисты, сумасшедшие в этом смысле. А Ляля наша, бедная, сидит молчит. Самое интересное, что все знали, как оказалось, что Ляля беременная, кроме нас, родителей. И Лялька потом родила Настеньку — мое очарование, моя радость, мое солнышко. И правильно сделала, что родила! Так что я счастливая. И Карма у меня — счастливая. Так и напишите: счастливая цыганка Карма. Счастливая!

Вика САРЫКИНА.